

ЦЕННОСТНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИСТ В КРЕМЛЕ

Ирина Чечель

Ирина Чечель — доцент РГГУ, руководитель образовательных программ Фонда эффективной политики

После второго медведевского Послания не остается сомнений в том, что Россия имеет дело с президентом, работающим с политикой ценностей. Легко сыграть на дисбалансах президентского текста: «наиболее пострадавшая» в кризисе страна, стройными фалангами рвущаяся к «обеспечению лидерских позиций», полуразрушенная инфраструктура, позволяющая создавать боеспособную армию, «тяжелая машина государственной бюрократии», проводящая в жизнь «системные решения» модернизации. Но не будем пророчить так прямолинейно заявленную Посланием «победу» или поражение Медведева, посмотрим на их подоплеку. **На вершине власти в России — фундаменталист и аутичный, доходящий во всем до конца ценностный фундаменталист.**

Ряд непредвиденных кризисов сделал президента более новаторски-гибким, чем сам он предполагал быть. И теперь в этом он склонен играть на опережение, идя во всем до конца и «чуть дальше». Он творит властный статус не на реактивности, хитроумной сметке, пресловутом «здоровом смысле» своего предшественника, а — из недооценки реалий. Его собственная выстраданная и реализованная

правота для него — едва ли не закон.

Одно из базовых словосочетаний у Медведева — «это недопустимо». Причем даже в том, что прежде всего для западной аудитории — не правоприменение, а нарушение буквы закона. Как формируется это его «персональное законодательство»? Медведев отталкивается от приписывания реальности высшего идеалистического смысла, т. е. от обозначения существующего порядка вещей как «идеалоемкого» в самом буквальном, буквалистском, а иногда и букварном значении. Как формируется такое «персональное законодательство»? **Лидер ли он, ориентирующийся на ценности? Скорее, нет. Он лидер, ценности создающий.** Здесь различие между ним и его предтечей — тот «доверял» либо «не доверял», а Медведев верует, причем верует в устойчивый комплекс ценностей, которые считает общепользовательными (для него в данном случае нет тонких различий). И может оказаться, что ему не слишком-то важна реакция мировой и российской общественности на его инициативы, пока он глубоко убежден, что и у него, и у них — общие интересы и ценности (и, разумеется, это их недоработка, раз вы этого еще не поняли). Его политическая стратегия — стратегия постоянства в отстаивании фундаментальных ценностей всеобщего характера... им признанных в качестве таковых.

В ряде ситуаций ценностный фундаментализм Медведева глубоко проигрывает. В отличие от Ельцина и Путина, он по-горбачевски бессодержателен в личном обращении к избирателю — мыслит кодексами, классами, таблицами, классификациями. «Сантехник Иван» в его речи никак не просматривается, не случайно одно из любимейших его определений — коллективистское, в меру смягченное «люди»...

Однако в эпоху кризиса такой фундаментализм может и сработать. Его исток — не отсутствие политического видения, а **желание придать ценности характер новаторства, а не наоборот.**

Это особенно показало 12 ноября. Предлагать людям, мучительно-сложно, с личностными и ценностными потерями прошедшим «Околоноля» — Россию, якобы сплошь состоящую из «ученых, инженеров, конструкторов, программистов», Россию как неведомый никому, кроме заявляющего его, «инновационный мир»? Говорить о России в терминах national building как о «молодой нации», и тут же — о нации «демократической»? Но единственно неожиданно беспронимно Медведев заговорил перед властной корпорацией на языке FDR — рузвельтовском (всем повезло, что не на кромвелевском) наречии «общего блага», испытывая аудиторию на тест президент-цивилиста, гражданские, национальные ценности которого всеобщие.

Что-то психологически происходило — не сразу, сквозь первоначальную снисходительность, — в зале Федерального Собрания. Когда президент так забыто-серьезно и неожиданно пространно заговорил о «детях-сиротах», «инвалидах», о «недостойных сотрудниках милиции», о поощрении тех, кто «бескорыстно» посвящает свой труд уходу за детьми, когда звучала реплика аффектированной благодарности ветеранам. Удивление выросло в догадку, догадка — в переживание. Суммарно создавался эффект возвращения максималистского, открытого, интеллигентского этического слова, замешкавшегося где-то позади, за порогом реформ.

В дальнейшем неизбежно будет срабатывать двойственность медведевского новаторства. **Готовность** к новаторству, инициация решения **этически понятых** им проблем, готовность ратовать за них «до последней капли крови» (что свойственно ему — в одном и том же, планомерно-заданном виде) и **неготовность** уходить от роли великолепного *регента всеобщих ценностей в статусе главы государства.* Но в политике и такое иногда срабатывает. Кстати и так, что, если дискуссии о модернизационном «меньшинстве» и «большинстве» вырабатывают стандарт ценностной коалиции. ■